

КУЛЬТУРА VS КУЛЬТУРАЛИЗМ В ДИСКУРСАХ И ПРАКТИКАХ ПОСТМОДЕРНА

Татьяна Власова

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна***Анотації:**

Научные дискуссии вокруг понятий культуры и культурных различий вызваны кризисом идентичности постсовременного человека. Проблема культурной, национальной и политической репрезентации связана с идеями культурализма, мультикультурализма, мультинационализма, так и с ролью университетов в качестве места производства высокой культуры, с влиянием средств массовой информации как рупора идей и идеалов культуры в ее «поп»-версии. В то же время политически актуальное общее – это единый комплекс идей, символов и образов, в котором культура и государство связаны в общем дискурсе нации и национализма.

Власова Татьяна. Культура vs культурализм у дискурсах і практиках постмодерну.

Наукові дискусії навколо понять культури й культурних відмінностей спричинені кризою ідентичності постсучасної людини. Проблема культурної, національної та політичної репрезентації пов'язана і з ідеями культуралізму, мультикультуралізму, мультинаціоналізму, і з роллю університетів як місця формування високої культури, і з засобами масової інформації як рупором ідей та ідеалів культури в її «поп»-версії. Водночас політично актуальне спільне – це єдиний комплекс ідей, символів і образів, де культура й держава пов'язані в загальному дискурсі нації та націоналізму.

Vlasova Tetiana. Culture vs multiculturalism in discourses and practices of postmodern.

The scientific debates about the notions of culture and cultural differences are accounted for the crisis of the identity of a postmodern-man. The problem of cultural, national and political representation is connected both with the ideas of culturalism, multiculturalism, multinationalism and with the role of universities as a location of high culture production and the influence of mass-media as an announcer of the ideas and ideals of culture in its «pop»-version. At the same time the politically shared «common» is a unified complex of ideas, symbols, images in which culture and state are tied in the common discourse of the nation and nationalism.

Ключові слова:

постмодерн, культуралізм, репрезентативність, суб'єкт, ідентичність, держава.

постмодерн, культуралізм, репрезентативність, суб'єкт, ідентичність, держава.

postmodernity, culturalism, representation, subject, identity, state.

Когда в раннебуржуазной Британии стала распадаться «цепь времен», Шекспир так выразил сумму антропологических знаний своего века: «Мы знаем, что мы есть, но мы не знаем, чем мы будем» [1, с. 176]. И хотя с тех пор границы наших знаний о человеке переместились самым радикальным образом, главные вопросы – о происхождении зла и трагичности человеческого существования, о метафизической судьбе человека – остаются нерешенными. Современная культура не смогла создать «символа», который мог бы экзистенциально убедительно объяснить человеку «ситуацию человека». Именно поэтому в постмодернистской теории начала XXI века философия по-прежнему пытается ответить на вопрос: «Что есть человек?» В то же время, проводя своего рода «поперечное сечение» различных теорий и методологий, используемых в «учениях о человеке», исследователи – постмодернисты демонстрируют децентрирующий посыл множественности и неоднозначности, утверждая ощущение того, что в мире постмодерна периферическая перспектива является лучшей из всех возможных. Бесспорно, последнее обусловлено самой сутью постмодернизма как специфического видения социальной реальности. В качестве описания постмодерна уместно привести знаменитое определение Ж. Бодрийяра, для которого это «...характеристика вселенной, где более невозможны определения. Имеет значение только игра определений. Все уже совершено... Произошло саморазрушение. Произошла

деконструкция всей вселенной. Все, что осталось, это части. Все, что осталось делать, – играть с этими частями, – это и есть постмодерн» [2, с. 116].

Именно поэтому постмодерн, акцентируя фундаментальную трансформацию отношений человека с миром, главным образом, в результате воздействия символических систем культуры масс-медиа, демонстрирует абсолютную плюралистичность и отказ от каких-либо объединяющих принципов или кросс-культурной экстраполяции. Как отмечается многими учеными, занимающимися проблемами межкультурной коммуникации, на выходе из системы «культура» человек оказывается производителем нового «артефакта», который не тождественен первому артефакту коммуникации и является по отношению к нему метапродуктом, появление которого обусловлено новой реальностью, другой традицией и, в конечном счете, новым потребителем. И здесь важно подчеркнуть: те политические дебаты и научные дискуссии вокруг понятий культуры и культурных различий, которые так остро звучат сегодня, связаны с кризисом идентичности – и культурной, и национальной идентичности человека постмодерна. «Расширенное» представление о культуре предполагает – и эксплицитно, и имплицитно, – что культура не является эквивалентом приобретенной «высокой культуры» литературных и философских канонов. «Культура – это мы», – пишет знаменитый теоретик культуры Б. Эггер [3, с. 6].

Децентрализация и деканонизация доминирующей культуры освобождает место для «низкой» культуры в ее различных «поп-версиях». Однако проponentы культуры в ее классическом значении продолжают настаивать: местом «производства» культуры по-прежнему остаются университеты. И здесь нельзя не отметить факт упреков в том, что «культурализм» эстетизирует политику, что, как представляется, свидетельствует об ошибочной оценке роли культуры в производстве «политически репрезентабельных граждан». Подобная проблема кризиса культурной и политической репрезентации не является новой. Когда, например, кризис репрезентации, вызванный требованиями рабочего класса в конце XIX века, потряс политические и культурные институты Британии, Дж. С. Милль написал «Размышления о репрезентативном правительстве», а М. Арнольд – «Культуру и анархию». И хотя оба теоретика перевели дискуссию в сферу культурной репрезентации, именно у Арнольда представители культуры являются «истинными апостолами» равенства. Субъекты культуры «счищают» с себя экономическую и классовую идентичность, оставляя только «лучшее знание», они «незаинтересованы», а потому оставляют себе лишь свое лучшее «я» [4, с. 58]. Следуя этой предпосылке, Арнольд утверждает, что государство должно репрезентировать лучшее «я» своих граждан, и, поскольку люди культуры являются представителями такого «я», государство должно репрезентировать культуру. М. Кундера пишет, что программа Арнольда оказалась столь влиятельной, что доклад Ньюболта британскому правительству в 1921 г., первый в серии правительственных докладов по преподаванию английского языка и литературы в Англии, в число своих рекомендаций включил мысль о том, что английская литература должна среди других форм знания занимать первостепенное место в английских школах [5, с. 69]. В этом докладе учителю английского языка и литературы отводилась роль посредника между государством и его гражданами и утверждалось, что его/ее миссия – учить совершать «правильные» поступки на собственном примере, быть его/ее лучшим «я» и в качестве такового – «лучшим гражданином». Английский язык и литература в школе и университете стали таким образом тем средством, с помощью которого национальная идентичность утверждалась в индивидууме. Именно это является, по мнению М. Кундеры, не только исторической основой мультикультурализма, вернее, его образовательной политики с повесткой репрезентации культурных различий и их изучения, но и методологическим наследием.

Очевидно, эти проблемы стоят за лозунгом, написанным по-английски в метрополитене Пекина: «Patriotism, inclusiveness, virtue». С точки зрения перевода, необходимо обратить внимание на слово «inclusiveness» – не «inclusion» (включение, присоединение), а «включение в себя, внутреннее вовлечение»; таким образом, сегодня лозунг Китая – «Патриотизм, всеобщая вовлеченность и добродетель». Некая амбивалентность концепта «inclusiveness», как представляется, вполне объяснима. Стоит вспомнить те критерии хорошего правительства, о которых писал Дж. С. Милль в своей работе «Размышления о репрезентативном правительстве». Это, прежде всего, добродетель и образованность граждан, вернее, способность политических институций формировать добродетель и образованность [5, с. 75]. Выбор слова «virtue» также концептуален. Стоит вспомнить гуманистическую «virtú», сформировавшуюся в итальянском Ренессансе, и ее главные добродетели: благоразумие, храбрость, умеренность во всем, справедливость. Если вернуться к лозунгу китайского правительства предыдущего десятилетия, который заключался в призыве дать образование нации, то на примере этой огромной страны с ее несомненным историческим патриотизмом понятно, что образование и политическая репрезентация однозначно и тесно связаны.

По Миллю, образованная «элита страны» – это лучшие ее представители в силу своего ума, который дает им возможность стать над классовыми делениями, это именно те, которым можно доверить оформить институты, которые в свою очередь сформируют государство; последнее придаст форму институтам, которые обозначат ценности. Таким образом, именно культура и политические предшественники, созданные ею, определяют нацию.

И. Хассан отмечает тот интересный факт, что современный государственный национализм стал чахнуть в индустриальных странах после Второй мировой войны, исключая те нации, которые потерпели поражение (Германия), и те нации, которые «догоняли» исторический процесс (СССР и Япония). Национализм особого, «яростного», характера начал, однако, расти везде: в бывших колониях, в развивающихся странах, в подавляемых этнических или религиозных сообществах. Причины раздувания «пожара» национализма реальны и серьезны. Это социальная несправедливость, постоянная депривация, память о поругании, технологические изменения, трансформация ценностей, коллапс империй, «миграция отчаяния» [6, с. 284–285]. Ученые задают вопросы: «Является ли национализм всегда правым или он может также

быть левым, центристским или даже аполитичным?», «Каковы его внутренние конфликты и градации?», «Какие обязанности, например, являются главными для уроженки Ирана, получившей образование в Гарварде и носящей хиджаб: ее оксидентальные идеалы, ее семья, ее гендер, ее религия или ее страна?».

Здесь следует, как представляется, затронуть семантические особенности значения английского слова «nationalism», концепт которого отличается от концепта русского слова «национализм». Так, в Оксфордском энциклопедическом словаре национализм определяется прежде всего как преданность своей нации, патриотические чувства, принципы и усилия; второе значение – это политическое движение за независимость в стране, которая находится под контролем другой страны или является ее частью [7, с. 598]. «Современный философский словарь» под редакцией В. Е. Керимова дает следующее определение национализма: «Гипертрофированная форма этноцентризма, психология, идеология, политика и социальная практика признания исключительности собственной этнической общности и государства, враждебности к другим нациям и государствам» [8, с. 438]. Однако концепт патриотизма и в английском, и в русском языках, в целом, совпадает: это любовь к своей родине и готовность защищать ее, то есть очевидно, что отличия в концептах значительны и должны приниматься во внимание.

Возвращаясь к роли культуры в формировании нации и национализма (в значении патриотизма), следует сказать, что современные теоретики, например, американский культуролог Г. Жиру, связывают культуру и государство в дискурсе борьбы за «радикальную культурную демократию». Для Жиру культура и, особенно, образование являются средством переговоров по чувствительным идеологическим вопросам между народом и государством в целях подтверждения идеи нации [9]. Эта версия нации, в отличие от Арнольда и Милля, является «инклюзивной»: Жиру отличает понятие этики и культуры от арнольдовского понятия культуры как внутренне присущей этике, поскольку его определение культуры включает в себя такие социальные факторы, как гендер, раса, класс, знание, власть. Современные критики тех концептов культуры и нации, о которых говорилось выше, пытаются трансформировать западную историю, анализируя (и демонстрируя) «политику» и «историю» расы, гендера и класса. При этом, как отмечают исследователи, не затрагиваются те рациональные абстракции, с помощью которых западная история легитимировалась, – а именно, «культура», «нация», «мы – народ».

Последние десятилетия, несомненно, демонстрируют перемещение акцентов в дискуссиях и дебатах с мультикультурализма на мультинационализм. Мультинационализм с его эмфазой на нации, а не на культуре, имеет дело с группами как с целым, а не с фрагментом целого. В этой диалектике часть и целое не могут быть одним и тем же, и моральный императив культуры, который так ярко выражен у Арнольда, Милля и Жиру, выглядит этической ошибкой, чем, по мнению сторонников мультинационализма, он и является [5, с. 84].

В то же время нельзя отрицать тот факт, что национализм (патриотизм) фокусируется на идентичности, внутренней связи, зачастую «эксклюзивности» и, безусловно, групповом «единстве воли», поскольку политическим «мы» нас делает только единство воли. Но, как писал Ницше, воля к власти – это не только та воля, которая есть, но также та, которая стремится быть все больше. Важно также, что парадоксальным образом именно мультикультурализм проявил тенденцию к сепаратизму. Как отмечают теоретики, группы и меньшинства, которые живут в конфликтной ситуации, часто отвергают толерантные устремления и усилия, исходящие от противоположной стороны. Таким образом, в поисках более широкого признания группа усиливает свою изоляцию подобно тому, как художественный авангард процветает на шоке и антагонизме, хотя и стремится к пониманию и признанию.

Мультикультурализм возник в 70-е годы как государственный дискурс в странах Британского Содружества; оппозиция со стороны «левого» крыла всегда имела форму отрицания его «культурализма» и демонстрировала приверженность более фундаментальным категориям социального анализа – классу, этносу, расе, гендеру. В то же время сторонники «культурализма» в его различных формах были уверены в том, что в экономике глобализирующегося общества культурный консьюмеризм, сама «культура» полагаются вопросом как выбора, так и культурного наследия, а потому являются менее политизированной категорией идентификации, чем раса или этничность, класс или гендер. Бесспорно, «культурализм», в том числе и мультикультурализм, имел определенные прогрессивные моменты. Однако одним из наследий этого «антропологического культурализма» является то, что Э. Балибар назвал «неорасизмом», или, «расизмом без расы» [10, с. 6]. С другой стороны, антирасизм с его клеймом абстрактности и провалом реалистических подходов к универсальным «человеческим» слабостям и потребностям

обвиняется в том, что его «пробы» тестирования «порогов чувствительности» достигли предела, отрицая «естественное» выражение гордости в культурных различиях, постоянно предлагая компромисс между меритократическими принципами и искусственной, «реверсивной» дискриминационной политикой.

Двадцать пять лет тому назад мы вступили в период «обеспокоенности» идентичностью и находимся в этом состоянии до сих пор. Мы понимаем, что политически актуальное общее – это единый комплекс идей, символов, образов, и превратить наши зачастую конфликтные интересы в некое единое направление мы можем только в том случае, если будем патриотами и в английском, и в русском значении этого слова. В нашей «обеспокоенности» идентичностью мы пытаемся «увекочить» утерянное время и вернуть себе утраченное наследие. Когда-то П. Валери совершенно правильно отметил, что «время – это конструкция». Действительно, время

не является чем-то готовым. Время – это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования, процессе «создания смыслов», пишет И. Пригожин [11]. Смысл персоналистичен и доступен только в процессе диалога культур, доказывают ученые. «Неуслышанность» – трагедия эпох и народов, которая в наше «постсовременное» время разыгрывается особенно часто на подмостках истории. Последнее происходит на фоне постоянного повторения как в академических изданиях, так и в средствах массовой информации тезиса об особой роли диалога культур в процессах глобализации. Эти процессы, безусловно, есть данность современной истории, данность, которая демонстрирует необходимость дальнейшего исследования опыта человека-субъекта в культурных и культуральных условиях постмодерна.

Список использованных источников

1. Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Керимова. — М.: Академический Проект, 2004. — 864 с.
2. Шекспир У. Гамлет // У. Шекспир. — М.: АСТ, 2011. — 240 с.
3. Agger B. *Cultural Studies as Critical Theory* / B. Agger. — London: The Falmer Press, 1998. — 217 p.
4. Arnold M. “Culture and Anarchy” and Other Writings (Cambridge Texts in the History of Political Thought) / M. Arnold. — Cambridge University Press, 1993. — 282 p.
5. Giroux H. *Education and the Crisis of Public Values* / H. Giroux. — New York: Peter Lang Publishing, 2011. — 129 p.
6. Hassan J. *Counterpoints* // *Multicultural States. Rethinking Difference and Identity* / Ed. D. Bennett. — London and New York: Routledge, 1998. — P. 282–294.
7. Hellner D. *Jean Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond* / D. Hellner. — Stanford University Press, 1990. — 246 p.
8. Koundoura M. *Multiculturalism or multinationalism?* // *Multicultural States. Rethinking Difference and Identity* / Ed. D. Bennett. — London and New York: Routledge, 1998. — P. 69–87.
9. *Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary*. — Oxford University Press, 1995. — 1081 p.

Сведения об авторе:

Власова Татьяна Ивановна
vlasovat@inbox.ru

Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна,
ул. Лазаряна, 2, г. Днепропетровск,
Днепропетровская обл., 490010, Украина
doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i7.1358>

Поступила в редакцию: 11. 05. 2016 г.

Принята к печати: 18.05.2016 г.

References

1. Kerimov, V. E. (2004). *Modern Philosophical Dictionary*. Moscow: Akademicheskii Proekt. [in Russian]
2. Shakespeare, W. (2011). *Hamlet*. Moscow: AST. [in Russian]
3. Agger, B. (1998). *Cultural Studies as Critical Theory*. London: The Falmer Press. [in English]
4. Arnold, M. (1993). “Culture and Anarchy” and Other Writings (Cambridge Texts in the History of Political Thought). Cambridge University Press. [in English]
5. Giroux, H. (2011). *Education and the Crisis of Public Values*. New York: Peter Lang Publishing. [in English]
6. Hassan, J. (1998). *Counterpoints*. In: *Multicultural States. Rethinking Difference and Identity*. Ed. D. Bennett. London and New York: Routledge, 282–294. [in English]
7. Hellner, D. (1990). *Jean Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond*. Stanford University Press. [in English]
8. Koundoura, M. (1998). *Multiculturalism or multinationalism?* In: *Multicultural States. Rethinking Difference and Identity*. Ed. D. Bennett. London and New York: Routledge, 69–87. [in English]
9. *Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary* (1995). Oxford University Press. [in English]

Information about the author:

Vlasova Tetiana Ivanivna
vlasovat@inbox.ru

Dnipropetrovsk National University of Railway Transport
named after academician V. Lazarian,
2 Lazariana St., Dnipropetrovsk,
Dnipropetrovsk region, 49010, Ukraine

doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i7.1358>

Received at the editorial office: 11. 05. 2016.

Accepted for publishing: 18.05.2016.